

Дмитрий СМАГИН

ЧЕРНЫЙ ЯЗЫК

Кто-то
настойчиво
стучит
в дверь
и дёргает
за ручку,
а мы
мужественно
притворяемся,
что здесь
не живём,
а живём
в каком-то
другом
далёком
от этого
месте,
где не
слышно,
как стучат
в нашу
дверь.

Пока вас не было,
заходил огненный вихорь.

Выше человеческого роста
шёл через поле.

Съел по пути
прошлогодную траву,
причесался штакетником.

Дмитрий Смагин родился в 1974 году в городке Воздвиженка Уссурийского района Приморского края. Окончил филологический факультет Смолгу. Публиковался в журналах «Арион», «Крещатик», «Новая Юность», «Звезда», «Волга», TextOnly, «Формаслов», на сайте «Полутона». Автор книги стихов «Путаница» (2017). Живёт в Смоленске.

Дух перевёл –
вспыхнул сарай
на краю.

За ним – дом Артурчика,
брёвна чернели как спички.

Удивлялась печка,
видя пламя снаружи.

Пытались тушить,
но не дал подступить.

Когда сдались,
ушёл в сторону леса.

Подъехала с воем
пожарная машина.
Выскочила команда,
на спине ранцы с водой.
Двинулись гуськом по чёрному следу.

Вернулись ни с чем огнеборцы,
сели в машину и умчались.

Ночь спали поочерёдно,
караулили угольки,

хотя было ясно,
что приходил не к нам и не к вам.

Пляшут весёлые огоньки,
подмигивают, манят,
а что задумали они
или так играют.

Только их и видел наш дружок,
ловил огоньки во мраке,
пока не потянул за поводок
поводырь слепой собаки.

Поводырь слепой собаки
потянул за поводок
и какие-то бараки
охранять ведёт.

Там алюминиевую миску
наполняют до краёв,

эх, огоньков весёлых пляска,
чёрно-белых огоньков.

Не мышонок, не лягушка,
а неведома зверушка,

преклонив по-птичьи колена,
собирает в бидон градины клюквы.

Сосны наблюдают
с безопасного расстояния.

По дороге
домой
встретил
весёлую
старушеницу

В ответ
на моё
«здравствуйте»
она
заулыбалась
беззубо,
закивала
маленькой
головой
в платке.

А когда
спросил,
есть ли
ягода
на болоте,
вдруг
показала мне
иссиня-чёрный
язык.

Шершни надкушали виноград
и домой вернулись на чердак.

Не поднимешься, не возразишь.
По кастрюлям нагло шаритмышь.

За ночь вырастают на газоне
земляные холмики кротовин.

Лезет обниматься встречный гнус:
– Мы с тобой одной, товарищ, крови.

Ещё вчера казалось, что живу,
а вышло, снова грезил наяву.

Днём по лесам лунатиком бродил,
будильник перед сном не заводил.

Пока однажды на закате дня
сердитый шмель не укусил меня.

С тех пор живу я, не смыкая глаз,
его гуденье слышу и сейчас.

Кто он, откуда? Сам не знает.
На медленные облака
взирает мутными глазами
растерянного мертвяка.

За что ему железным клювом
пробили в темени дыру?
Он больше громких слов не любит
и молча воет на ветру.

На землю льётся темнота
густеющей струей из раны,
а мог бы с чистого листа
побыть Петром или Иваном.

Вырыла яму,
Посадила куст,
вырыла яму,
посадила куст.

Вырасти ягода
сладкою на вкус,
вырасти ягода,
сладкою на вкус.

Из садовой лейки
дождик пролила,
из садовой лейки
дождик пролила,

чтобы моя ягодка
сладкою росла,
чтобы моя ягодка
сладкою росла.

Вырыла яму,
посадила куст,
вырыла яму,
посадила куст.

Выросла ягода
горькая на вкус,
выросла ягода
горькая на вкус.

Урожай склевали
жадные дрозды,
урожай склевали
жадные дрозды,

не сказав спасибо
за мои труды,
не сказав спасибо
за мои труды.

Посредине лета, в погожий день
меж стволов сосновых застыл как пень.

На все сто уверен – конец пути,
с места этого не сойти.

Ноги сами сделали шаг, другой,
глянь, уже я в доме на Дровяной.

День придёт, из дома на Дровяной
без следа исчезну, как дым печной.

Да и что с того, не жалею, не хнычь,
тут огонь потух и остыл кирпич.

Земля для меня тесна,
земля для меня тесна.

Я слышу призыв трубы,
а значит пришла весна.

Земля для меня тесна.

Под ручки ведут, без сил,
там ангелы заждались,
один из них Гавриил
трубит про вечную жизнь.

Земля для тебя тесна,
земля для тебя тесна.

Лети, говорит, скорей,
там ждёт в облаках Иисус,
а если вдруг упадёшь,
приземлишься на куст.

Земля для тебя тесна,
земля для тебя тесна.

Здравствуй, мама.
Привет, отец.
Вот и встретились наконец.

Я слышу призыв трубы,
полный прощения и любви.

Как ты была со мной мила,
когда с помойки привела.

Смахнула с морды скорлупу
и луковую шелуху.

В других отвергнутых мирах
я видел лишь брезгливый страх.

- Добро пожаловать к столу
поближе к свету и теплу.